

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

АВГУСТЪ

1888 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика. — Философія. — Публицистика. — Исторія. — Языкознаніе. — Политическая экономія. — Юридическія книги. — Естествознаніе. — Сельское хозяйство. — Учебники. II. Периодическія изданія: «Вѣстникъ Европы», *юль*. — «Русскій Вѣстникъ», *май—юнь*.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Разказы“ *Антонъ Чехова*. — „Алзаковы“ *Д. Д. Апраксина*. — „Досуги Марса“ — „Безсмертій“ *А. Додэ*.

Разказы Антона Чехова. Спб., 1888 г. Изданіе А. С. Суворина. Цѣна 1 рубль. Въ теченіе года намъ въ третій разъ приходится говорить объ отдѣльных изданіяхъ „разказовъ“ г. Чехова. Первая его книжка носила заглавіе *Пестрые разказы*, вторая — *Въ сумеркахъ*, третья озаглавлена просто *Разказы*. Въ *Пестрыхъ разказахъ* собраны первыя произведенія молодого писателя. Какъ по содержанію, такъ и по достоинству это на самомъ дѣлѣ очень „пестрые“ разказы, но между ними находятъ лучшіе изъ всѣхъ, написанныхъ г. Чеховыхъ, наиболѣе правдивые, дышащіе большою искренностью ихъ автора и свидѣтельствующіе о его несомнѣнномъ талантѣ. Во второй книжкѣ мы тоже отмѣтили въ свое время два-три хорошихъ разказа. А на этотъ разъ не можемъ даже и этого сдѣлать, такъ какъ въ лежащей передъ нами книжкѣ рѣшительно не на чемъ остановиться. Мѣстами вспыхиваетъ симпатичное дарованіе автора, мелькаетъ гуманная идея; но вспышка тотчасъ же гаснетъ, пропадая въ дѣланности и придуманности, свидѣтельствующихъ о покушеніяхъ автора сказать что-то такое, чего у него не хватило силы выразить въ простой и безъ искусственной формѣ, составлявшей отличительную черту его раннихъ произведеній. Лучшій изъ лежащихъ передъ нами разказовъ *Ванька* испорченъ тѣмъ, что письмо деревенскаго мальчишки, отданнаго въ ученіе въ Москву, оказывается слишкомъ длиннымъ въ ущербъ правдивости; такихъ писемъ мальчишки-ученики не пишутъ, особливо же такіе мальчишки, которые адресуютъ свои посланія: „На деревнѣ дѣдушкѣ“. А потому все это письмо производитъ впечатлѣніе сочиненности, неудачной поддѣлки подъ складъ тоскующаго по деревнѣ Ваньки. Недуренъ въ особенности, по мысли, разказъ *Письмо*; но и онъ испорченъ излишнею растянутостью, повтореніями, тѣмъ болѣе замѣтными, что весь — то разказъ занимаетъ двѣнадцать страницекъ малаго формата. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что

г. Чехову мелкіе рассказы удаются лучше больших и совѣмъ не удаются попытки написать что-либо крупное или, вѣрнѣе, длинное. Доказательствомъ можетъ служить занимающая половину лежащей передъ нами книжки—*Стень* (около 170 страницъ), о которой мы уже говорили въ одномъ изъ нашихъ журнальныхъ обзорѣй. Нѣкоторые изъ послѣднихъ рассказовъ г. Чехова отличаются полною безсодержательностью, какъ, напримѣръ: *Счастье*, *Тифъ*, *Свирель* и друг. Въ пнхъ, какъ, напримѣръ, въ *Задача*, самая мысль автора остается для читателя „задачей“, и не въ одномъ только этомъ рассказѣ, а также въ *Тинь*, въ *Перекаши-поле*. Въ *Тинь* — героиня еврейка, въ *Перекаши-поле*—герой выкрестившійся еврей, и ни въ героинѣ, ни въ героѣ не видно ничего характернаго, такого, что было бы присуще исключительно людямъ еврейскаго племени: то же самое, что продѣлываетъ какая-то Сусанна Моисеевна, могла бы продѣлывать любая ничѣмъ не стѣсняющаяся негодница всякой другой національности; а что повѣствуетъ про себя выкрестъ изъ евреевъ, могъ бы рассказать иной заматавшійся съ дѣтства бродяга по монастырямъ, какого бы то ни было происхожденія. Въ заключеніе мы еще разъ повторимъ, что и въ этихъ, вообще, слабыхъ рассказахъ г. Чехова мѣстами блестятъ искорки таланта, дающія намъ право думать, что ослабленіе его есть лишь временное, и желать, чтобы оно было кратковременнымъ.

Алзаковы. Романъ изъ великосвѣтскаго быта. Д. Д. Апраксина. Спб., 1888 г. Цѣна 1 руб. Нѣтъ въ этой книжкѣ ни „романа“, ни „великосвѣтскаго быта“, а есть только очень скучное и безсвязное повѣствованіе о томъ, какъ богатые супруги Алзаковы ничего не дѣлали много лѣтъ и, ничего не дѣлая, дожили до старости, но подѣ старости соскучились и вздумали искать себѣ развлеченій. Петръ Николаевичъ Алзаковъ, по совѣту „умнаго“ врача, нашелъ развлеченіе въ филантропіи. Его супруга, Вѣра Александровна, стала развлекаться выѣздами и заигрываніями съ юнымъ офицеромъ графомъ Свирскимъ, ровесникомъ и бывшимъ товарищемъ ея сына, умершаго ребенкомъ. На ея заигрыванія Свирскій довольно долго не обращалъ вниманія и занимался какою-то французенкой Эрнестиной, но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, явился велѣдъ за Алзаковой изъ театра къ нимъ въ домъ и кинулся цѣловать хозяйку. Приѣздъ мужа остановилъ дальнѣйшія покушенія храбраго гвардейца. Онъ, однако же, вернулся на слѣдующій день и, „какъ звѣрь, жаждущій крови, рванулся къ ней и силой взялъ то, что не давалось ему добромъ...“; хотя „она въ слезахъ взмолилась къ нему, но не тронула его себялюбивую, ненасытную натуру, а только пуще раздражила, подзадорила, подожгла“. А потомъ она начала плакать, онъ—говорить грубости. Происходило это при такой обстановкѣ: „Ея платье было въ безпорядкѣ. Она лежала, разметавшись, на кушеткѣ. Красивая, стройная нога, артистически обутая, въ блестящемъ, шелковомъ, ажурномъ чулкѣ, обнажалась до половины икры. Контуры ея роскошнаго тѣла, въ этой позѣ забывчивости и отчаянья, снова разожгли желанія Свирскаго. Онъ придвинулся къ ней и зашепталъ: „Я чувствую, да, я чувствую, что ты очаровательна, что я готовъ...“ Чортъ знаетъ, что такое!... Наконецъ-то Алзакова выгнала его вонъ, упала безъ чувствъ, заболѣла и умерла. Ея мужъ благополучно утѣшился филантропіей, и всей сказкѣ—конецъ. Ради приданія своему произведенію „великосвѣтскаго“ вида, авторъ передаетъ половину разговоровъ по-французски, не безъ изъяна, впрочемъ, для этого языка:

такъ, Алзакова, падая безъ чувствъ. Этого *le* женщина, прожившая, жѣ, не могла выкрикнуть, даже снабжены авторомъ переводами, примѣръ: „Vous supposez donc ce baragoin?—вмѣшалась Ernestine хрюканье?“). Слова *baragoin* нѣтъ совѣмъ не „хрюканье“. Или еш *des cancons de votre grand mond l'autre piéce ou dans la salon* (и nous lever (сплетни о жепципахъ Переводъ очень вольный и вѣсьмъ „пересолилъ“ избыткомъ французсвался и подѣ конецъ шегольнулъ Такимъ вздоромъ испещрено не м сна, а для чего—едва ли знает онъ знаетъ, для чего написать „романъ“. Закончившій его „адиюшею случайностью, ровно ничего женъ и расписанъ онъ необычно высказать наше мнѣніе о произве, манѣ изъ великосвѣтскаго быта“ у г. Апраксина пѣтъ ни таланта, даже умѣнья писать литературно, выдержками. Въ его *Алзаковыхъ* и просто—на живыхъ людей.

Досуги Марса. Сборникъ тру № 2. 1888 годъ. Изданіе и реда О первой книжкѣ *Сборника* мы да передъ нами № 2 этого изданія ни легристки начпнается рассказомъ *ключительный случай*. „Случай“ э романъ, а его „исключительность“ с сила своихъ пріятелей, тоже нмн ніе не состоялось лишь потому, что ткнувшійся на эту сцену. Этимъ „с чай“ дастъ поводъ предложить „го меніе слѣдующей задачи“: „если ваніи снны и прочихъ частей тѣ. обязательнаго труда рѣшенъ оконч ожидаетъ вопросъ о томъ, имѣеть же секуюціонному воздѣлыванію свои вольно-наемнаго труда, совершенно кого посторонняго вмѣшательства соображеній болѣе или менѣе капп мы и предлагаемъ на разрѣшеніе и чительнымъ строкамъ чптатель мож претензіи на остроуміе, съ которою тельный рассказъ, занимающій собо чало отрывка *Мой сонъ* (изъ *днсти* Только монотонный бой бапенныхъ ютъ царящую тишину юдоли престу